

Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России¹

В.М. ШИРОНИН, кандидат физико-математических наук.

E-mail: vm@shironin.ru

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Аннотация. Статья написана по итогам семинара, состоявшегося в мае 2019 года и посвященного экономическому знанию в нашей стране – траектории его развития, специфическим чертам и отдельным значимым фактам. Дан краткий обзор, а также комментарии, необходимые для того, чтобы пояснить цели этого мероприятия и его формат. Представлен спектр профессиональных форм экономического знания, выросших либо укорененных на российской почве и отличающихся от глобального экономического мейнстрима.

Ключевые слова: экономическое знание; политическая экономия; социализм; либерализм; камерализм; история России; СССР; экономические реформы

История современной России успела после 1991 г. пройти весь наш традиционный цикл от попыток модернизации (вестернизации) до «суверенизации», от «либеральных» тенденций до «консервативных». Сейчас, возможно, мы снова стоим в начале аналогичного витка. Такого рода изменения всегда происходят не только в виде реакции на те или иные события и ситуации, но и под влиянием идей, присутствующих в данный момент в профессиональных сообществах и в общественном сознании. Поэтому от адекватности обществоведческого знания зависит наше дальнейшее развитие.

¹ Использованы материалы семинара «Состояние нашего знания о советской и постсоветской российской экономической науке», организованного как часть VIII Конференции «Деловая этика и национальные модели поведения», традиционно проводимой Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом (СПбГЭУ) и Зиклиновским центром Уортоновской бизнес-школы. Полная стенограмма семинара опубликована в Интернете. URL: <https://unecon.ru/centr-pi/> (дата обращения: 20.02.2020).

Представляется, что сегодня в интеллектуальной жизни мы переживаем период первоначального накопления и массивной ликвидации обществоведческой безграмотности. Издается и переводится множество книг, классических и современных. Но в какой мере эта информация усваивается? Насколько мы ориентируемся в том, что собой представляет и какое отношение к нашим реалиям имеет «мировая» наука, помним ли мы наш собственный опыт и интеллектуальные достижения, будем ли способны их использовать? Понимаем ли мы нашу научную традицию – ее происхождение, содержание и роль в обществе?

Все это, разумеется, относится и к экономическому знанию. Динамика его развития в нашей стране была противоречивой. Сегодня мы видим сосуществование разных вариантов того, что остроумно названо «провинциальной» и «туземной» наукой [Соколов, Титаев, 2013]. Первая из них ориентируется на «мировые стандарты» и ученых «метрополии», а вторая – на конгломерат местных традиций, унаследованных из разных периодов прошлого.

Происходит расслоение систем знания, и это накладывается на карьерные траектории. Среди тех, кто собирается работать в крупных фирмах (как зарубежных, так и российских), стало престижно окончить Высшую школу экономики или хотя бы экономический факультет старого университета, где содержание образования и его форма более или менее приближены к стандартам мирового экономического мейнстрима. В отличие от них, формальное образование, скажем, достаточно типичного российского чиновника, как правило, ограничивается дипломом непрестижного провинциального вуза, но основной объем знаний он получает на протяжении всей своей карьеры не в виде теорий, а в конкретной форме на рабочем месте.

Взаимодействие между академической и неакадемической формой экономического знания – это еще одно сечение проблемы. Многие идеи – и теоретические, и прикладные – не проникают в академическую науку из-за того, что они были высказаны вне академической среды и в неакадемической форме.

При этом развитие экономического образования и науки происходит не только спонтанно, но имеет место и определенная политика со стороны государственной бюрократии. Университетам навязывают правила и процедуры, которые в реальной жизни часто принимают патологические формы [Круглый стол, 2018].

Таковы были общие соображения об актуальности темы семинара «Состояние нашего знания о советской и постсоветской российской экономической науке», прошедшего в Санкт-Петербурге в мае 2019 г. Кроме этого, его проектирование было связано со следующими конкретными обстоятельствами. В 2016 г. в Университете Пенсильвании была защищена диссертация Адама Лидса «Призрачный либерализм: о субъектах политической экономии в Москве» [Leeds, 2016]. Автор говорит в ней не только об экономической науке, но и предлагает «увидеть создание либеральной политической современности, вскрывая то, как экономическое знание участвует в сборке объекта, который оно якобы изучает – “экономики”». Диссертация показала, что наши представления о логике развития экономического знания в СССР и России (да и о нашей истории) все еще очень неполные. В этой работе, написанной на основе двух лет полевых исследований среди экономистов Москвы (2010–2012), впервые прослеживаются все основные этапы развития советской экономической мысли от ее расцвета в 1920-е годы до формирования поколения «реформаторов», осуществивших переход от СССР к современной России.

Этот последний сюжет о мировоззренческих и научных основах российских реформ 1990-х годов в нашей академической среде практически не обсуждается. На семинаре ему был посвящен раздел о феномене «московско-ленинградской» группы (или «школы Змеиной горки»). Имеется в виду сообщество так называемых «молодых реформаторов» начала 1990-х годов, хорошо известных в мире политики, но мало воспринимаемых как часть научного сообщества. Был ли (как утверждает Адам Лидс) политический успех этой группы в значительной степени результатом ее мировоззренческих и теоретических отличий? Можно ли использовать ее опыт сегодня для формирования более адекватных институтов экономического знания? Как представляется, ответ на эти вопросы должен быть положительным, поскольку институциональное мышление этой школы сохраняет актуальность и продолжает развиваться.

Кроме того, представилась возможность посвятить еще один раздел семинара интереснейшей и малоизвестной теме о консервативной традиции в экономическом знании и о бюрократии как его носительнице. Понять характер такого знания и сделать его

доступным для системы образования – это очень интересная, хотя и трудная задача. На семинаре эта тема обсуждалась на конкретном историческом материале. Доклад о влиянии так называемого немецкого камерализма в России сделал еще один американский исследователь – Кристофер Мондэй (Christopher Monday) – впрочем, защитивший свою диссертацию на экономическом факультете СПбГУ [Мондэй, 2004], а работающий сейчас в Южной Корее. В то время как либеральная линия развития, которую исследует Адам Лидс, связана с процессами децентрализации и индивидуализации в российском обществе, «камеральная» и «полицейская» наука представляли собой систематизацию знания о рациональном управлении централизованным абсолютистским государством². И хотя сама камералистская наука принадлежит прошлому, ее традиции в нашей жизни продолжают (например, в сфере образования), и их желательно понимать.

Экономисты и история советского либерализма

Диссертация Адама Лидса, представленная на семинаре автором, близка к марксистской методологии (что он охотно признаёт). Развитие идей в ней рассматривается в неразрывной связи с развитием общества, бытие определяет сознание, которое, в свою очередь, формирует бытие. Автор прослеживает этот процесс на интервале от 1917-го до 1980-х годов, и в результате мы имеем параллельный обзор истории советского государства и эволюции экономического знания.

Автор также считает, что «экономическая наука – даже в своём самом математическом выражении – это форма либеральной политической философии, так как её цель состоит в том, чтобы объяснить социальные закономерности на основе интересов, и она начинается с индивидуума. И это не только эпистемологическая, но и политическая установка. Это верно независимо от того, каков математический аппарат. Великие математические экономисты на Западе всегда это понимали. ... Между экономической наукой и политическим либерализмом огромная связь, их нельзя рассматривать отдельно».

² Немецкий термин *Polizeiwissenschaft* следует переводить не буквально («полицейская наука»), а понимая в данном случае *Polizei* как «государственную политику» или «политику» в широком смысле слова. Эта дисциплина возникла в первой трети XVIII века и существовала до середины XIX.

С этих позиций А. Лидс задает вопрос: каковы истоки тех преобразований в России, которые имели место после распада Советского Союза? Откуда появились те люди, которые осуществляли эти преобразования и где они черпали свои идеи?

Одно из распространенных мнений по этому поводу состоит в том, что в начале 1990-х годов в России была сделана попытка импортировать комплекс мероприятий, основанных на стандартной западной идеологии неолиберализма, и что руководили этой попыткой зарубежные консультанты. На семинаре такая позиция прозвучала в репликах одного из американских участников, Кристофера Миллера: «...это были люди из команды Гайдара. Их выбрал Андерс Ослунд».

Живя в России и будучи, так или иначе, участниками и наблюдателями событий, мы понимаем, что картина была, по меньшей мере, более сложная. Да, действительно, к моменту начала российских реформ стал известен опыт «шоковой терапии» в нескольких странах и были сформулированы принципы неолиберального Вашингтонского консенсуса. Значимую роль играли и иностранные консультанты. Тем не менее, по словам Адама Лидса, он «разговаривал со многими людьми, которые представляли международные организации, Всемирный банк, МВФ, команду Джеффри Сакса, и все они в один голос утверждали, что их влияние на политику в России было минимальным». Все они говорили, что русские, которых они встречали, приехав в Россию, уже знали, что они хотят делать. Основной вывод диссертации состоит в том, что российский либерализм имеет местное происхождение. Его историю – неразрывно связанную как с историей самого общества, так и с историей экономического знания – автор излагает следующим образом.

На каком образе социализма основывалась политика большевиков?

Описание чего-то, похожего на Советский Союз, невозможно найти в работах Маркса и Энгельса, искать ответ надо в сложном взаимодействии между немецкой версией марксизма конца XIX века и традицией статистики, сложившейся в царской России.

Для первых двух поколений социалистической мысли основной обсуждаемой проблемой было самоуправление работников.

Ранние социалисты видели, что рабочее место, фабрика остается «несвободным» даже в свободном обществе. Даже имея представительную форму правительства и управления в политической сфере, на рабочем месте вы опять сталкивались с хозяином. Поэтому очень важной темой была «республиканизация» рабочего места.

К концу XIX века концепция социализма в марксистской традиции изменилась драматическим образом – под влиянием изменения самого капитализма. Марксисты предполагали, что формы социализма будут расти из форм капитализма. В годы возникновения этого учения (середина XIX века) капитализм базировался на маленьких семейных фирмах, на мастерских. Но к концу XIX века произошло то, что сейчас называют второй промышленной революцией – переход к корпоративному капитализму. Новое понимание социализма, которое появилось в марксизме немецкой социал-демократической партии примерно с 1890-х годов, было проекцией этих новых форм тогдашнего капитализма, который они называли империализмом.

Было очевидно, что капитализм имеет тенденцию к концентрации и централизации капитала, образуются всё более крупные компании, которые объединяются в картели, а те, в свою очередь, стремятся слиться с государством. Так возникло представление о социализме как о слиянии всего промышленного производства с государством.

Таким образом, централизованное промышленное государство представляло собой одну часть модели социализма. Но откуда появилась идея планирования? Как всё это стало технократическим процессом? По мнению Адама Лидса, здесь нужно искать совсем иные истоки, и в основном они связаны со статистикой, а в более широком плане – с российской версией камерализма, т.е. «политической науки» в немецкой традиции.

Существует всеобщее заблуждение, что рост экономической статистики связан с развитием науки политической экономии, на самом же деле это не так. Экономическая статистика развивается параллельно, как часть управленческого аппарата абсолютистского государства, в то время как политическая экономия – это, в своей основе, критика абсолютистского государства. В контексте царской России статистика стала развиваться относительно поздно и, прежде всего, в земствах. Сразу после

победы революции В.И. Ленин, будучи хорошо знаком со статистикой земств, обратился с этим вопросом к П.И. Попову, который и предложил создать центральное статистическое управление (так или иначе существующее до сих пор). К 1923–1924 гг. была запущена система национальной статистики, «баланс народного хозяйства», который впервые дал количественное описание всей экономической жизни страны в виде циклических потоков, циклического процесса воспроизводства. Во введении к балансу Попов прямо цитирует *tableau economique* Кенэ, схемы воспроизводства Маркса, их алгебраическое воспроизведение Н.И. Бухариным. По мнению А. Лидса, начиная именно с этого масштабного проекта проблема центрального планирования впервые становится количественной, статистической задачей в полном смысле слова.

Институционализация экономического знания

В 1920-е годы происходит институционализация различных форм экономического знания в процессе построения нового советского государства. В это время можно говорить о трех формах экономического знания, которые различались эпистемологически, институционально и с учётом биографий людей. Первой была уже упоминавшаяся традиция земской статистики. Вторая – это традиция гражданского строительства. Ее ярким представителем был, например, В.И. Гриневецкий, инженер и физик, конструктор двигателей, директор Высшего технического училища. Разработанный им в 1920 г. план реконструкции России после войны В.И. Ленин читал и распорядился опубликовать. Инженеры были вовлечены в деятельность государства, прежде всего через Комиссию по производительным силам России, которая к 1960-м годам переросла в Совет по производительным и производственным силам страны (СОПС) при Госплане. В 1920-е годы эти инженеры нашли своё место в Высшем совете народного хозяйства и до некоторой степени в Госплане.

Третьей важной формой экономического знания была марксистская политическая экономия, которая существовала вне университетской системы и вне государственного аппарата. Можно сказать, она формировалась в среде революционеров, в особенности в общении с немецкими марксистами. В 1920-е годы предпринимались попытки институционализировать марксистскую

политэкономии в рамках государства через несколько специальных институтов – Коммунистический университет имени Свердлова, Институт красной профессуры, Коммунистическую академию (из них впоследствии вырос Институт экономики РАН). Здесь мы видим совершенно определённого типа знание и определённого типа позицию, где парадигматические примеры – это В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий, Е. А. Преображенский. Это политические теоретики или теоретические политики, которые представляли собой партийную элиту. Однако попытки воспроизвести новое поколение партийной элиты в Институте красной профессуры привели к совершенно иному результату. С момента сталинского «великого перелома», во время первой пятилетки, задачей становится индустриализация, а знание марксистской политической экономии оказывается все более нерелевантным. И влиятельные люди 1930-х годов – это промышленные управленцы, а не теоретики марксизма. Поколение теоретиков, вышедших из Института красной профессуры, вместо того чтобы стать лидерами партии, превращается в идеологов и начинает обосновывать решения, уже принятые промышленными управленцами.

***В 1930-е годы экономики как таковой
в Советском Союзе не было***

Возможно, это утверждение не выглядит таким уж парадоксальным для российских ученых, но большинству американцев и европейцев оно кажется удивительным и противоинтуитивным. Роль теоретиков марксизма свелась тогда к тому, чтобы просто оправдывать то, что уже происходило само собой. На первый взгляд кажется, что и эмпирические экономические исследования в это время также практически прекратились. К 1931 г. руководители Госплана и Центрального статистического управления были или уволены или убиты, а те, кто выжил в 1931 г., почти все погибли в 1937–1938 гг. И кажется, что экономические исследования, в общем, закончились. Однако Адам Лидс не соглашается с этим. Между 1930-ми и 1940-ми годами произошло возрождение экономических исследований в трёх направлениях, и в каждом случае формы, которые принимали эти исследования, были тесно связаны с практическими задачами экономического управления.

Самое раннее направление исследований касалось эффективности капитальных вложений. Здесь главными лицами были инженеры, в основном из числа строителей гидроэлектростанций. Им было необходимо создать методики для сравнения нескольких проектов с разными первоначальными вложениями и с разными годовыми издержками. В рыночной экономике вы имеете ставку процента, и это позволяет производить межвременные сравнения, но как это делать в сталинской экономике? Дебаты по этому поводу происходили вне поля зрения марксистских идеологов, это делалось в инженерных журналах, где, по сути, не было цензуры. Одним из ярких представителей этого направления был В. В. Новожилов, написавший обширные методологические указания об оценке экономической эффективности гидроэлектростанций.

Второе ведущее направление исследований было более тесно связано со статистической традицией Центрального статистического управления и Тимирязевской академии. Задачей было формирование эффективной системы цен в рамках советской экономики. Импульсом к этому послужила послевоенная отмена ограничений на цены и рacionamento³. Искажения системы ценообразования в военное время и ограничения на распределение продуктов привели к большим фискальным дисбалансам. После отмены этих ограничений требовалось срочно создать рациональную систему цен, и по этому поводу шли активные дебаты.

Третье направление касалось оценки деятельности предприятий: какими должны быть показатели эффективности, нормативы и так далее. На перекрестке этих трёх задач – эффективности капитальных вложений, оценки деятельности предприятий и формирования относительных цен – мы видим начало пост-сталинистской реформаторской экономической науки. Серия дискуссий прошла в течение всех 1950-х годов, и в начале 1960-х годов выработалось целостное понимание реформ в Советском Союзе, наиболее полно отраженное в работах В. С. Немчинова.

Как появилась советская математическая экономика?

Следующая глава истории имеет более сложную концептуальную структуру и объясняет, каким образом советская экономика

³ Карточное распределение было отменено в декабре 1947 г.

превратилась в математическую науку. Это один из лучших разделов работы Адама Лидса, ведущий в совершенно другое поле мысли.

По мнению автора, эта математизация произошла при посредстве военно-промышленного комплекса времен холодной войны. После Второй мировой войны в СССР были запущены три мегапроекта по военным исследованиям: первым был атомный проект, вторым – радары и электроника, и третьим – ракетные технологии. Люди, ими управлявшие, могли не считаться с ведомственными и отраслевыми границами и в интересах дела объединять разные формы знания и разные инженерные области. К конкретным инженерным проектам оказались привлечены такие знаменитые математики, как М. В. Келдыш, С. Л. Соболев, Л. В. Канторович, А. Н. Колмогоров, П. С. Александров и др. Можно сказать, что математики работали в проектах «по совместительству», и вознаграждением стал рост их положения и влияния в Академии наук. К концу 1950-х годов математики, участвовавшие в военных исследованиях, по сути дела, контролировали Академию наук.

В это же время вокруг мехмата МГУ возникла культура семинаров, и новые поколения студентов входили в мир междисциплинарных исследований по прикладной математике. Именно в их среде, в этом круге прикладных математиков, стала популярной кибернетика Норберта Винера, особым авторитетом пользовавшаяся в новых секретных институтах – «почтовых ящиках» – занимающихся военными разработками. Эти военные инженерные учреждения превращаются в центры изучения кибернетики.

Первыми сотрудниками Центрального экономико-математического института в Москве в основном были выпускники мехмата, которые начали карьеру в этих военных институтах. Было также и небольшое число тех, кто смог пережить 1920–1930-е годы. Как говорил В. С. Немчинов примерно в 1960 г., «единственные люди, с которыми я вообще могу разговаривать, все младше 35 или старше 65».

Центральный экономико-математический институт создавался как «головной» для общегосударственной системы автоматического управления. Эта идея также пришла напрямую из военных кругов. С 1956-го по 1959 г. военные институты разрабатывали первую компьютерную систему для противоракетной обороны

Москвы, которая требовала размещения многочисленных радарных станций и ракетных установок, соединенных в единую сеть для того, чтобы входящую ракету можно было отследить и сбить в течение нескольких секунд.

Это была первая компьютерная сеть в Советском Союзе, по образцу которой инженеры и математики предложили создать компьютерную сеть для контроля всей плановой экономики. Постановление о создании ЦЭМИ предполагало, что он станет «фабрикой алгоритмов» для этой сети. И хотя скоро сама идея компьютерной сети потеряла актуальность для института, но математика, ее прикладные разделы были импортированы из военной инженерии в советскую экономику.

Следует также понимать, что период создания военно-промышленного комплекса и математической экономики в СССР стал и временем, когда формировалась новая советская интеллигенция. Между 1950-ми и 1960-ми годами количество людей с ученой степенью удвоилось, и потом удвоилось еще раз. Появился целый класс специалистов с хорошим уровнем образования, которого ранее не было, и в масштабах, не существовавших до этого. И это была культурная среда.

Такова в общих чертах история математизации советской экономической науки, но нужно иметь в виду, что с середины 1960-х годов и к середине 1970-х годов советская математическая экономика начала принимать двоякую форму, и в Москве более или менее отчетливо образовались два сообщества, различающиеся как по биографическим траекториям людей, так и по типу знания.

Первое из них объединяло последователей кибернетической традиции и математической оптимизации. Здесь карьера идет через мехмат, различные военные институты и ведет к ЦЭМИ. Эти люди уже к концу 1960-х годов знакомы с западной литературой, с общей теорией равновесия, с исследованиями американских экономистов-математиков, они занимаются теоретическими исследованиями, в рамках которых начинают думать об экономике как о процессе с многоуровневым контролем. И они пытаются перевести в математические термины то децентрализованное представление об экономике, которое впервые возникло еще в 1950-е годы в нематематизированных дискуссиях. Суть состоит в том, что если мы возьмем задачу глобальной оптимизации и разложим ее алгоритмически на ряд локальных процессов, мы

можем понять всё это как взаимодействие различных уровней административной иерархии. Такова база, на которой основывалась версия экономической реформы ЦЭМИ.

Другое течение было связано с Госпланом СССР и его Научно-исследовательским экономическим институтом, где главным математическим аппаратом была модель «затраты-выпуск» В.В. Леонтьева. Сотрудники системы Госплана – выходцы в основном не с мехмата, а из инженерных институтов. Если это выпускники экономических вузов, то не экономико-математических, а инженерно-экономических специальностей. И они работают главным образом с данными, со статистикой. В каком-то смысле это возобновляет – или продолжает – традицию баланса народного хозяйства 1920-х годов, рассматривавшего экономику как круговой поток⁴.

Такова в целом приблизительная картина экономической науки 1970-х годов. С одной стороны (со стороны «оптимизаторов»), имела попытка думать о математической децентрализации экономики, с другой – о долгосрочном прогнозировании промышленного роста страны в среде специалистов по межотраслевому балансу.

Резюмируя итоги 1970-х, А. Лидс замечает, что к американской математической экономике была ближе советская нематематическая экономика. Причины следующие: экономическая наука в США и нематематическая экономическая наука в СССР – обе начинаются с проблемы агентов и их интересов. Они рассматривают, как независимые агенты взаимодействуют между собой. Советские же экономисты-математики этим не занимались, рассматривая людей как некие частицы. Их экономическая система была смоделирована как физическая.

Поколение реформаторов

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в профессию входит новое поколение людей, которые формировались преимущественно как экономисты, а не математики. Они знают, насколько утопичны идеи 1960-х годов о полном математическом моделировании экономики. Они видят уже два десятилетия снижения

⁴ А. Лидс использует здесь название статьи В.В. Леонтьева – «Экономика как круговой поток» – которую тот написал в Германии после того, как поработал в Госплане (*Die Wirtschaft als Kreislauf* (1928) или в английском переводе *The economy as a circular flow*).

экономического роста и умножения патологий в экономике, видят повторяющиеся неудачи с реформированием. И задаются вопросом, почему все попытки реформ потерпели неудачу [Авен, Широинин 1987]. Но ответить на этот вопрос можно только с политической точки зрения, здесь нужен институциональный анализ аппарата и процессов управления, менеджмента на микро- и макроуровне.

Этот анализ возникает в нескольких кружках и имеет разную форму у разных авторов. К 1986 г. эти различные траектории сходятся, а потом получают и свое имя «теории административного рынка» [Найшуль, 1991]. Суммируя основное, можно сказать, что вместе эти люди приходят к пониманию того, что советская экономика давно перестала быть по-настоящему плановой. По существу, она представляла собой процесс столкновения интересов по поводу ресурсов и влияния различных агентов, обладающими разной информацией и силой. И то, что выглядело как результат процесса планирования, на самом деле было итогом немонетизированного торга между относительно независимыми участниками.

Конечно, всё это представляет собой критику советского государства, которую можно назвать протолиберальной. При этом она сливается с левой социалистической критикой государства. Убеждённые социалисты, которые недовольны советским государством, критикуют его за то, что оно не является ни демократическим, ни государством рабочих. Поэтому в конце 1980-х годов одновременно появляются как те, кто понимает, что Советский Союз должен прекратить своё существование, так и те, кто считает, что социализм можно построить. И они думают, что говорят на одном языке.

Традиция камерализма в России

Кристофер Мондэй в своем докладе говорил о другом направлении в российской экономической науке – или, лучше сказать, экономическом знании, которое в значительной степени отличается от европейской и американской традиции. Главное состоит здесь в том, что институтами знания следует считать не только университеты, но и бюрократию – чиновников и менеджеров, окончивших эти университеты и занимающихся практической

работой⁵. Сама же университетская экономическая наука в Российской империи была в значительной степени порождена немецкой традицией наук о праве и административном управлении – *Kameralwissenschaft* и *Polizeiwissenschaft*⁶. По мнению докладчика, эти тенденции перешли из XIX века в XX и даже в XXI.

Надо сказать, что такая точка зрения отнюдь не доминирует в зарубежных работах по истории российской экономической мысли. Продолжая традиции советологических исследований времен холодной войны, они ищут истоки тоталитаризма в народничестве и русском радикализме. На этом фокусируются даже исследования по истории российских университетов. Отчасти это справедливо, ведь радикалов было достаточно много, но, игнорируя российскую академическую традицию, мы выбрасываем очень важный элемент, оказавший глубокое влияние на марксизм и народничество. Всё это было взаимосвязано, и, если пользоваться математическими понятиями, университетское сообщество было неким узлом в сети знания.

Камерализм – это идея хорошо организованного государства. Важно подчеркнуть, что речь идет не о меркантилизме, тарифах, торговле и т.п. Камерализм – это, скорее, общий взгляд на государственное устройство, это наука об общественном порядке, о правилах ведения дел, которым люди могут следовать и основам которых они могут обучаться.

В чем состоит специфика камерализма и его отличие от «обычной» политэкономии, следующей «шотландской традиции» Адама Смита? Если говорить об общем мировоззрении, то для камералистов национальная экономика состояла из нескольких систем, каждая из которых обладала своими особыми характеристиками. Потому каждый сектор экономики должен был изучаться как таковой, в своих собственных понятиях. При этом в фокусе внимания были обучение и образование, а не абстрактный *homo economicus*, «изначально приговоренный» заниматься

⁵ Эта тема прозвучала и в презентации Адама Лидса, и при ее обсуждении. О специфике экономической профессии в других странах с сильной бюрократической традицией (на примере Франции) см. [Fourcade, 2009].

⁶ В переводе с немецкого – «камеральная наука» и «политическая наука». Слово «камера» – то есть сокровищница – появилось во времена, когда правители немецких земель погрязли в религиозных войнах и остро нуждались в средствах. Точно также слово *Polizei* не имеет ничего общего с полицией, а относится к политике.

торговлей⁷. Камералисты полагали, что необходимо обучать людей тому, как работать в сфере экономики, как правильно обращаться с машинами, пользоваться технологиями. Поэтому в центре их внимания в основном было образование, технологии, машины, их внедрение, то, как научить людей ими пользоваться. Они мало надеялись на спонтанное разделение труда: так не бывает, нужны прямые объяснения, что и как делать.

Выдающийся немецкий мыслитель Густав Шмоллер создал так называемую историческую школу⁸. Согласно его воззрениям, либеральная экономическая наука (как и любая другая) может быть верна только в определённом контексте. Шмоллер был сверхпопулярен, и русские профессора очень близко следовали за его идеями.

Российской бюрократической традиции и российскому бюрократическому менталитету посвящено много работ (в России это Б. В. Ананьич, Б. Н. Миронов, в США – Брюс Линкин, Марк Раев, Ричард Пайпс и др.). Поэтому нет никаких сомнений относительно роли бюрократии при той форме модернизации, которая осуществлялась государством и где университеты играли ключевую роль.

Здесь нужно иметь в виду особенности социальной среды царской России, где не было европейских городов и образованного среднего класса. Российский образованный класс был больше похож на азиатский – отдельный слой людей, не связанных с миром бизнеса и/или с так называемой «республикой ученых»⁹. В некотором смысле его аналогами можно назвать китайских «куан» (мандаринов) и корейских «янбан» (так называемых «людей в черных шапках»). Но «янбан» и их менталитет были совсем другими. Будучи конфуцианцами и знатоками китайского языка, они старались ограничить влияние Запада, это была одна из их важнейших ролей, в то время как русские камералисты

⁷ В докладе: homo economicus, preordained to truck and barter. В свою очередь это цитата из Адама Смита, который говорил о том, что человек имеет a natural propensity to truck, barter, and trade.

⁸ Немецкая историческая школа была отчасти и российской, поскольку в Дерпте и на Балтийском море носители немецкого языка работали в российской реальности: работы А. Вагнера, К. Шнейдера, А. Нольде их современники считали и российским вкладом.

⁹ *Respublica literaria* – наднациональное объединение ученых, существовавшее в эпоху Ренессанса и Просвещения. Коммуникация осуществлялась преимущественно по переписке, реже – во время путешествий (ru.wikipedia.org)

играли совершенно другую роль, они были значительно более открыты к западной мысли¹⁰.

Какова история появления этих взглядов в России? До Петра I в России не было формальной системы образования. В течение всего XVII века здесь было опубликовано всего 10 книг нерелигиозного характера. Пётр основал две школы, горный институт, в котором несколько сот студентов изучали военные науки, в том числе математику. Аристократия тогда пыталась избежать вовлечения в эту официальную образовательную систему (как и в Корее), но – и это уже специфика России – купцы тоже не хотели, чтобы их дети шли в школу, они считали это напрасной тратой времени. Капитализм и российская академическая сфера всегда существовали раздельно. И, безусловно, с самого начала здесь были очень сильны западные, в первую очередь немецкие традиции. Вспомним Лейбница, кунсткамеру в Петербурге – всё это следовало немецкой модели.

В XIX веке в стране возникает потребность в огромных постоянных армиях, в новой финансовой системе, а для всего этого были необходимы экономические знания. Важным обстоятельством оказалось то, что новые идеи приходили от физиократов, а физиократы были напрямую связаны с Польшей и с католической традицией¹¹. Эти идеи ассоциировались также и с учением Жан-Жака Руссо, что напоминало о Французской революции.

В итоге «польская» модель была отвергнута. Одной из причин, вероятно, был слишком явный культурный и политический дисбаланс. Польша, безусловно, создавала большие проблемы, к тому же там были десятки тысяч хорошо образованных людей, в то время как в России – всего несколько сотен на колоссальную империю. Поэтому вместо поляков правительство обратилось к балтийским немцам, очень высокообразованным (Ю. Л. Слёзкин говорит о том, что, возможно, это были вообще самые образованные люди в истории) и при этом вполне лояльным.

¹⁰ В Германии профессора-камералисты тоже создали обособленный «класс мандаринов», считая, что они занимают позицию над всеми общественными классами и представляют собой некую нейтральную силу.

¹¹ Польские мыслители даже утверждают, что физиократия – это польская идея, что отчасти верно. В 1809 г. с польского языка на русский был переведен первый учебник по экономике Иеронима Стройновского. В России книга была запрещена и впоследствии полностью исчезла с «радаров» исследователей.

Таким образом, вместо физиократии Россия получила камерализм как некую приемлемую альтернативу идеалистическим и механистическим воззрениям. К. Мондэй цитирует старый источник: «исключительный реализм так же вреден, как и исключительный идеализм. Если последний располагает к мечтательным учениям и теориям, то первый склоняется к материальному образу мысли. Между причинами волнений в Западной Европе нельзя не признать слишком распространенных в последнее время понятий о достоинстве вещественного труда».

Опять-таки здесь очень важен социальный контекст. Как писал Рэндалл Коллинз, в любое конкретное время в любой стране, как правило, сосуществуют три школы, в определенной мере конкурирующие друг с другом и опирающиеся на свою социальную базу.

Так, в дореволюционной России мы имеем, во-первых, камерализм с его опорой на университеты и бюрократию, это академическая традиция, у истоков которой стоят германские мыслители, такие как Ф. Лист; во-вторых, романтический популизм (народничество), связанный с земством, интеллигенцией, исповедующий органистический взгляд на общество как на живое существо. Третья школа – радикализм, воспринимающий общество как некий механизм, который можно контролировать. Он основан на идеях К. Маркса, продвигаемых профессиональными революционерами¹².

Камеральная наука, которая затем превратилась в университетскую, академическую традицию, состояла из нескольких субдисциплин, которые большей частью относились к так называемой «литературе домохозяина» (как вести домашнее хозяйство, как домашнее хозяйство соотносится с экономикой и т.п.)¹³. Камералисты были прежде всего просветителями, практиками; они много путешествовали (и знали языки), писали инструкции, политические трактаты, учебники.

Они не доверяли идее о механистических законах, управляющих обществом, зато много внимания уделяли конкретной

¹² В этом смысле Фридрих Хайек, утверждавший, что немецкая традиция в экономической науке, начиная с камерализма, привела к фашизму и коммунизму, ошибался относительно России – в нашем случае она не была радикальной.

¹³ Этот факт особенно интересен, если сопоставить его с тезисом Ричарда Пайпса о том, что Россия выросла из вотчины, о «патримонии» и «патримониальном государстве». В каком-то смысле это верно и для России, и для Германии.

специфике. Именно камералисты разработали теорию стадий развития. Камерализм был принципиально синкретическим и совмещал в себе знания из огромного количества дисциплин, а его приверженцы были, что называется, «людьми Возрождения». Их учебники наполнены картами, планами, цифрами. Один из авторов теории игр, Пол Лазарсфельд, показывает также, что камералисты были первыми, кто использовал количественные методы – у Адама Смита чисел и математики не было.

Камералисты обсуждали вопрос о том, как практически работать, внедрять конкретные технологии в реальных средах, в том числе, например, как решать проблемы в коррумпированных системах. Известно, что в свое время они выступали против строительства железных дорог за казенный счет, опасаясь, что деньги неминуемо разворуют. Они очень прямо говорили о том, что в тех или иных случаях можно сделать, а что нет.

В российских университетах камерализм установил собственную систему контроля и дисциплины, которая стала центром для российской академической традиции. Она сильно отличалась от тех стандартов, которые мы имеем сегодня. Например, все лекции должны были быть записаны и предварительно согласованы, во время занятий декан проходил по всем аудиториям и смотрел, что там происходит. То есть это была очень формальная система, с жесткой цензурой. В то же время преподаватели российских университетов имели свою мотивацию. Благодаря системе наставничества профессора постоянно узнавали много нового; лояльные государству преподаватели могли работать над государственными и собственными проектами.

Из каких же дисциплин состояло типичное «камералистское» образование? Это политическая экономия, статистика, законы о финансах, законы благоустройства и благочиния, государственное управление, государство и право России и европейских держав, российская история, всеобщая история, агрономия, технологии, два современных европейских языка и, конечно, закон божий (хотя здесь была проблема, поскольку среди студентов было много католиков-поляков и лютеран из Балтийского региона).

Как мы видим, образование включало большое количество юридических дисциплин, но о политической экономии и коммерции постоянно велась дискуссия – насколько серьезно их нужно

преподавать (особенно побаивались политэкономии, опасаясь вольнодумства). Студенты посещали около 15 лекций в неделю – очень похоже на сегодняшний день. На старших курсах было всё меньше лекций и всё больше практических занятий на заводах, фабриках, и т.д. В конце каждого курса держали очень серьезные экзамены.

В результате, если в начале XIX века мы имеем пару сотен студентов, то затем они превращаются в тысячи, а к 1912 г. в Петербурге было около 10 тысяч студентов – всё ещё довольно небольшое количество по сравнению с другими странами, но оно неуклонно росло. Это образование внесло вклад и в культуру, и литературу, было много писателей, его получивших – например, Александр Блок, П. Д. Боборыкин, который сейчас почти забыт, но в своё он время был знаменитым писателем.

Если говорить о вкладе камерализма в науку, можно назвать Андрея Шторха, который был типичным камералистом и разбирал труды Адама Смита с этой точки зрения. В свое время большую известность ему принесло утверждение, что производительным может быть не только производство, но и правительство (государство)¹⁴. Был Егор Францевич Канкрин, получивший образование в Германии, где его отец был известным камералистом. Он приехал в Россию и не только стал знаменитым министром финансов (более 20 лет), но также прояснил многое относительно того, что такое национальная экономика и мировая экономика.

И, конечно, нельзя не вспомнить о М. И. Туган-Барановском. Разумеется, он был видным революционером, представителем также и романтической традиции. Но в его университетской деятельности ясно видна камералистская традиция. Он сформулировал основы современной инвестиционной теории циклов, выдвинул идею о преимуществах догоняющего развития и написал в своей книге «Русская фабрика» очень интересный анализ того, как введение технологий определило своеобразие российской экономики.

Такова была камералистская традиция, и ее значительная часть перешла в советскую систему. Об этом свидетельствует даже беглый просмотр современных учебников и тематических планов экономических вузов.

¹⁴ «Это очень русская идея», – подчеркнул Кристофер Мондэй.

«Змеиная горка»

Диссертация Адама Лидса и его доклад на семинаре заканчиваются на истории «реформаторов» начала 1990-х. Как профессиональный феномен, эта история достаточно парадоксальна. Осенью 1986 г. группа молодых экономистов собралась на семинар на базе отдыха «Змеиная горка» Ленинградского финансово-экономического института. Большинство участников там впервые увидели друг друга. Через пять лет половина из них вошли в правительство Е. Гайдара, и с тех пор почти до последнего времени находились у экономической власти. Как считает Адам Лидс, преимущество им дала не только их организация, но и их теория: «в большинстве публикаций предполагается, что, поскольку мы называем их “экономистами”, и поскольку они стояли у начала создания капиталистической экономической системы, их экономическая теория была ортодоксальной неоклассической теорией, привычной для западных наблюдателей. Но это не так». В то же время эта теория, а лучше сказать – интеллектуальная основа «школы Змеиной горки» – остается практически неизвестной в российском академическом сообществе. Почему все это так сложилось? Здесь уместен науковедческий анализ¹⁵.

Для начала стоит уточнить профессиональную идентичность этой группы. Несмотря на экономическое образование и привычку называть себя экономистами, деятельность участников «Змеиной горки» следует отнести к области политики или политологии, прикладной и академической. Возможно, стоило бы вернуться к старому термину «политическая экономия», добавив ему новые оттенки значения.

Далее, для описания этого сообщества стоит ввести специальное понятие *сетевой парадигмы*. Сообщество «Змеиной горки» устроено не так, как парадигма в смысле общепринятой идеи Томаса Куна. Классическое определение парадигмы относится к научным сообществам, все члены которого разделяют некоторые общие представления, подражают некоторому «парадигмальному» образцу и пользуются одними и теми же теориями. Это даёт им возможность организовать разделение труда. Условно говоря, один человек изучает спрос, другой – предложение, и при

¹⁵ На основе презентации автора этой статьи.

этом каждый понимает, что это всё делается для того, чтобы данные можно было соединить и дать общий прогноз.

В отличие от классической, сетевая парадигма объединяет группу людей, у которых нет единой предметной картины мира, единого языка и общих образцов, но при этом каждый умеет общаться со своими «смежниками» (и только с ними). Это можно изобразить как граф, в котором у каждого элемента имеются смежные узлы, с которыми он непосредственно соединен. Вся группа в целом объединена некоторой очень общей мировоззренческой установкой, однако может и не иметь общего предметного языка и вообще может состоять из людей, принадлежащих к разным профессиям. Тем не менее сеть в целом обладает свойством связности.

Важнейший принципиальный фактор здесь – это *мировоззренческая позиция*. Применительно к группе «Змеиной горки», эта объединяющая установка определяла место и роль человека как субъекта действия относительно объекта, на который направлено это усилие. А именно – субъект понимался как *участник или включенный наблюдатель* (а, скажем, не как заказчик или критик). Эту позицию можно назвать «*семидесятнической*», противопоставляя ее предшествовавшей позиции отечественных «шестидесятников», от которой она принципиально отличалась.

Если говорить более конкретно, слово «семидесятники» здесь использовано для характеристики определенного отношения к государству и к власти. Позицию условных «шестидесятников» (которую в наше время часто демонстрируют сторонники партии «Яблоко») автор этой статьи когда-то назвал ролью «советника Господа Бога»¹⁶. Такой «советник» разрабатывает программы или проекты и ждет, что «кто-то» (государство) их выполнит. «Советник» знает, «что такое хорошо и что такое плохо», каково должно быть идеальное состояние дел. И если действия государства не соответствуют ожиданиям, он обвиняет государство в отсутствии политической воли, недемократичности, коррупции и тому подобном. В любом случае представители такого мировоззрения не готовы «войти в положение» лица, принимающего решение и понять, что это лицо ограничено в своих возможностях.

¹⁶ Широнин В. М. Это никогда не было написанием советов Господу Богу. (2006) [Эл. ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/10/06/shironin/> (дата обращения: 20.02.2020).

В отличие от этого, установка, которая здесь названа «семидесятичной», позиционирует субъекта (например, исследователя) как участника. Это совершенно необязательно означает, что он действительно является реальным участником действия. Но он всегда должен задумываться, *как* можно сделать то, что он считает желательным, и какие для этого есть инструменты. Поэтому в политическом отношении «семидесятники» часто вполне заслуженно получают название «системных либералов».

Интересно, что такое же переосмысление отношений субъекта и объекта политики произошло и в мировой экономической науке в середине 1970-х годов. Оно получило название революции рациональных ожиданий и было сформулировано в терминах экономических моделей, используемых государством для регулирования экономики. Тезис, положивший начало новой классической экономике, утверждал, что и субъект действия (государство) и объект его воздействия (экономика) находятся оба внутри одной системы (модели). Поэтому объектом нельзя свободно манипулировать, он «предугадывает» действия субъекта и их последствия и принимает соответствующие меры, подстраивается. Иначе говоря, государство и общество – или же государство и экономика – неразделимы.

Отечественный вариант этого тезиса звучал немного по-другому, хотя смысл его тот же самый. А именно, государство не является – *не способно быть* – субъектом целенаправленного действия, поскольку оно – такой же рынок, как и всё остальное, и разделить их невозможно. Внутри государства как бюрократической структуры происходят согласования и торги, в которых вышестоящие инстанции часто играют всего лишь пассивную передаточную роль, транслируя сигналы от нижестоящих. Такой взгляд и получил в конце концов название «теории бюрократического рынка».

Парадоксальным образом отсюда следовала необходимость очень радикальных реформ. «Реформаторы» понимали, что при слабости государства как субъекта любые реформы встретят огромное бюрократическое сопротивление. Поэтому, что бы вы ни делали, это должно быть сделано любыми средствами и очень быстро, потому что у вас есть всего один шанс.

Вторым важнейшим фактором было то, что в конце 1980-х годов группа «Змеиной горки» – если брать ее в целом – резко

выделялась в экономической профессии по глубине и широте кругозора. Здесь нужно обратить внимание на те механизмы, с помощью которых эта группа интегрировала профессиональные знания участников. Кооперация внутри нее основана не только на разделении, но и на том, что можно назвать *объединением труда* (механизм, часто используемый в российской культуре).

Показать разницу между разделением и объединением труда можно на довольно специфическом примере, который в свое время произвел на автора статьи большое впечатление [Моргачева, 2011]. Он касается сравнения американского и российского подходов к работе с умственно отсталыми детьми. В Соединённых Штатах в этой сфере имеет место чёткое и детальное разделение труда: философы изобретают философские схемы; психологи, руководствуясь этими схемами, разрабатывают психологические теории; затем кто-то интерпретирует эти теории в свете проблем детской психологии; кто-то разрабатывает показатели, кто-то их превращает в тесты. В итоге с конкретным ребёнком работает специалист по применению тестов, который не умеет ничего другого.

В российской системе все было организовано иначе: собирается комиссия – дефектолог, невропатолог, педагог, психиатр и т.д., к которой приводят ребёнка. Конечно, все члены комиссии знакомы с какими-то тестами и умеют их применять, но, кроме того, они читают всё, от философии до, скажем, психологических детективов. Все эти знания укладываются в их головах и формируют интуицию, на основе которой они принимают решение по конкретному ребёнку. Конечно, они могут его изуродовать. Но могут придумать какое-то совершенно гениальное нестандартное решение, которое никогда не возникнет на основе разделения труда.

Во многом именно на основе такого подхода группа «Змеиной горки», как целое, объединила очень разные предметные знания. Это происходило и на этапе подготовки к экономическим реформам, и позже – в практической деятельности. Эти знания включали:

– определенное знакомство с философией и методологией науки, представление о дисциплине мышления, занесенное из математики, биологии и других первоначальных профессий некоторых участников;

– экономическую теорию: математическую экономику, институциональную экономику (знакомство с институциональной теорией, начиная от Коммонса и кончая Уильямсоном, произошло еще в 1980-е годы); при этом, как отметил Адам Лидс, в мышлении «Змеиной горки» отсутствует макроэкономика, поскольку советское «макро-» не было макроэкономикой, а было планированием в стиле межотраслевого баланса; этим занимались Госплан, Госснаб и другие аналогичные органы, в то время как у остальных этой информации просто не было;

– опыт полевой социологии и включённого наблюдения, полученный благодаря сотрудничеству с отделом Т.И. Заславской в Новосибирске (такого опыта у экономистов не было практически никогда);

– экономическую историю, в том числе понимание советского нэпа 1920-х годов как сочетания политических, макроэкономических и структурных проблем того времени, совершенно нестандартных для обычной классической экономической науки, поскольку последняя имеет дело с, так сказать, «жидкими» объектами; сюда же следует отнести теорию Ю.В. Ярёмко, показавшего, что советские экономические объекты устроены совершенно иначе, чем это принято описывать в классической экономической науке;

– опыт европейских социалистических стран, показавший, к чему ведут те реформы, которые тогда были пределом мечтаний для «передовых советских учёных» и общественного мнения (в частности, понимание общественного устройства Югославии – которую большинство тогда принимало за «настоящий рынок» – как разновидности социализма);

– хорошее знакомство с западной советологией благодаря доступу к так называемым спецхранам, то есть к книгам, которые нельзя было прочитать в библиотеке;

– возможность наблюдать вблизи большую политику (некоторые из участников группы были участниками комиссии по совершенствованию управления, организованной после смерти Л.И. Брежнева при политбюро ЦК КПСС), что давало представление о многих политических нюансах и интригах;

– наконец, большое значение имели «семейные истории»: многие участники «Змеиной горки» происходили из довольно одинаково устроенных семей, где дедушки с бабушками были носителями живой исторической памяти, активными участниками и/или оппонентами, а затем и жертвами революции и последующих событий; и выбор профессии, и отношение к общественным проблемам и общественным наукам – все это было во многом семейной традицией.

Совершенно неудивительно, что такая многопрофильная и междисциплинарная группа в дальнейшем не вписалась в академическое сообщество, ориентирующееся, в общем, на преподавание и создание текстов (то есть статей, которые прочтут

и оценят коллеги). Деятельность же участников «Змеиной горки» имеет другую мотивацию, так или иначе, она ориентирована на понимание реальной ситуации и доступных способов влияния на неё. Не укладываются они и в общепринятые форматы академической коммуникации. Пожалуй, только О.И. Ананьин, Ю.М. Голанд, С.Г. Кордонский и автор этой статьи работают в более или менее академической манере. Публикации Е.Т. Гайдара, М.Э. Дмитриева, С.Ю. Павленко и Г.О. Павловского отклоняются от этого стандарта в сторону публицистики и аналитической журналистики. В.А. Найшуль уже давно занимается тем, что «порождает сущности», т.е., скорее, художественным творчеством. Он «выставляет» некий объект, который заставляет людей глубоко задуматься. П.О. Авен и А.Р. Кох публикуют исключительно интересные интервью. Как и С.Г. Кордонский, они озабочены тем, чтобы зафиксировать и донести то, «как это было на самом деле». Изолированность от академической среды создает определенные психологические проблемы. В карьерном смысле практически все члены группы достаточно успешны (а некоторые – и сверхуспешны). Тем не менее в интеллектуальном плане многие испытывают чувство одиночества и неполной реализованности.

Почти все участники группы «Змеиной горки» живы и продолжают работать в разных направлениях. Обозначим здесь только одно из них, близкое автору – развитие социологических моделей. За тридцать лет оно прошло три этапа. Во-первых, к 1980-м годам в нескольких кружках зародилась идея административного рынка, а С.Г. Кордонский назвал наше общество сословным. Затем примерно к началу 2000-х годов был поставлен вопрос об отсутствии русского общественно-политического языка¹⁷, а Сергей Ушакин на чисто эмпирическом материале (опросах и фокус-группах) обнаружил то, что он назвал феноменом *постсоветской афазии*¹⁸ [Oushakine, 2000]. На нынешнем (третьем) этапе эта идея получила развитие, и мы поняли, что наша социальная жизнь не имеет полностью языковой природы,

¹⁷ Найшуль В.А. Букварь городской Руси. Семантический каркас русского общественно-политического языка. (2006) [Эл. ресурс] URL: http://polit.ru/article/2006/02/03/naishul_bubu/ (дата обращения 20.02.2020).

¹⁸ Афазия – это неспособность говорить, выразить мысль словами, в данном же случае имеется в виду неспособность постсоветских людей описать словами свою жизнь

поэтому искомого общественно-политического языка может вообще не быть, и некоторые социальные факты в принципе невозможно описать словами. Это открытие привело к методологическому прорыву за счет обращения к инструментарию современной когнитивной науки (то есть науки об информационных системах) [Широнин, 2016] и богословия (конкретно, к работам православного философа XIV века Григория Паламы) [Найшуль, 2015]. Интересно, что эти две последние парадигмы довольно легко переводятся друг в друга.

В заключение хотелось бы сказать, что науковедение уделяет экономической профессии сравнительно мало внимания, что же касается экономического знания в СССР и современной России, это вообще почти не исследованная область. Между тем заниматься этим не только крайне интересно, но и необходимо. Без рефлексии и понимания специфики профессий невозможно принимать правильные решения относительно развития научно-образовательных институтов и регулирования их деятельности.

Литература

Авен П. О., Широнин В. М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1987. Вып. 3. С. 32–41.

Круглый стол. Стимулы для академических и прикладных исследований и формирование экономического сообщества // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 136–155.

Мондэй К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкрин). Автореферат диссертации. СПбГУ. 2004. 32 с.

Моргачева Е. Н. Компаративный анализ парадигм феномена умственной отсталости в специальной педагогике России и США. Диссертация. МГПУ. 2011. 442 с.

Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс. 1991. С. 31–62.

Найшуль В. А. Доклад на конференции «Деловая этика и национальные модели поведения». 2015. [Видеозапись]. СПб. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JYcHTQ-vIs> (дата обращения: 20.02.2020).

Сokolov М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Широнин В. М. Членораздельное и голографичное. (2016) [Эл. ресурс]. URL: <https://syg.ma/@viacheslav-shironin/chlienorazdielnoie-i-ghologhrafichnoie> (дата обращения: 20.02.2020).

Fourcade M. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press. 2009. 416 p.

Leeds Adam E. *Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow*. (2016) [Эл. ресурс]. URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/1828/> (дата обращения: 20.02.2020).

Oushakine, Serguei. In the State of Post-Soviet Aphasias: Symbolic Development in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 6. Pp. 991–1016.

Статья поступила 15.02.2020.

Статья принята к публикации 20.02.2020.

Для цитирования: *Широнин В. М.* Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России // ЭКО. 2020. № 7. С. 150-177. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-7-150-177.

Summary

Shironin, V.M. Cand. Sci. (Phys.-Math.), St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

Bureaucrats, Bolsheviks and Reformers: the Non-Trivial History of Economic Knowledge in Russia

Abstract. The article provides an overview of the seminar held in May 2019 to discuss the state of economic knowledge in our country, including its trajectory of development, specific features and certain significant facts. It contains an outline of the discussion as well as some comments necessary to explain the objectives of the exercise and its format. A range of professional forms of economic knowledge, grown or rooted on Russian soil and different from the global mainstream economics, is presented.

Keywords: *economic science; political economy; socialism; liberalism; cameralism; history of Russia; the Soviet Union; economic reforms*

References

Aven, P., Shironin, V. (1987). The Reform of the Economic Mechanism: Reality of the Outlined Transformations. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya*. Iss. 3. Pp. 32–41 (In Russ.).

Fourcade, M. (2009). *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press. – 416 p.

Leeds, Adam E. (2016). *Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow*. Available at: <https://repository.upenn.edu/edissertations/1828/> (accessed 20.02.2020).

Monday, C.D. (2004). *Economic Thinking of the Bureaucratic Elite of the Russian Empire of the Nicholas I Era* (example of E.F. Kankrin). Avtoref. kand. diss. SPSU. 32 p.

Morgacheva, E.N. (2011). *Comparative Analysis of the Paradigms of the Phenomenon of Mental Retardation in Russia and the USA*. Doctoral diss. MGPU. 442 p.

Naishul, V.A. (1991). *The Highest and Last Stage of Socialism*. In: Immersion into the Bog. Moscow. Pp. 31–62.

Naishul, V.A. (2015). Presentation. The Conference on ‘Business Ethics and National Behavior Patterns’ [Video]. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=_JYcHTQ-vIs (accessed 20.02.2020).

Oushakine, Serguei. (2000). In the State of Post-Soviet Aphasias: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 6. Pp. 991–1016.

Roundtable discussion (2018). Incentives for academic and applied research and the reproduction of the economic community. *Voprosy Ekonomiki*. No. (10). Pp.136–155. (In Russ.).

Shironin, V.M. (2016). The Articulate and the Holographic. Available at: <https://syg.ma/@viacheslav-shironin/chlienorazdielnoie-i-gholografichnoie> (accessed 20.02.2020).

Sokolov, M., Titayev, K. (2013). Provincial and Aboriginal Science. *Antropologicheskii forum*. No.19. Pp.239–275. (In Russ.).

For citation: Shironin, V.M. (2020). Bureaucrats, Bolsheviks and Reformers: the Non-Trivial History of Economic Knowledge in Russia. *ECO*. No. 7. Pp. 150-177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-150-177.